

УДК 94(470.51)'1860/1880':323.28(045)

Д.А. Морозов

МОТИВЫ РЕВОЛЮЦИОННОГО ТЕРРОРИЗМА 1860–1880-х ГОДОВ В РОССИИ

На основе информации, содержащейся в различных исторических источниках, выявляются мотивы революционного терроризма в России в 1860–1880-е гг. Проводится сравнение с универсальными классификациями мотивов терроризма в трудах юриста Ю. М. Антоняна, психологов К. Г. Горбунова и Д. В. Ольшанского. Раскрывается ошибочность экстраполяции признаков, причин, целей, мотивов революционного терроризма в России в 1860–1880-х гг. на современные виды и формы терроризма, которую допускают Ю. М. Антонян, К. Г. Горбунов, Д. В. Ольшанский. Предлагается альтернативная, классификация мотивов революционного терроризма в рассматриваемый период.

Ключевые слова: революционный терроризм, мотивы революционного терроризма, народничество, Народная воля, Земля и воля.

Пытаясь разобраться с проблемой терроризма, исследователи обращаются к истории развития этого явления его глубинным смыслам и сути. Особенно значимо изучение мотивации террористической деятельности, как основы любой деятельности. В широком смысле под мотивацией понимается все, что побуждает человека к деятельности, включая факторы внешней среды и внутренние, психологически обусловленные [28. С. 261; 29. С. 262-264]. Обстоятельства, явления «находящиеся» снаружи, вне личности, то есть факторы внешней среды, стимулируют внутреннее побуждение к деятельности. Эта внутренняя причина, побуждающая к деятельности, называется *мотив* [28. С. 258].

Среди этапов развития в мировой истории терроризма, как орудия социально-политического воздействия на общество и власть особо выделяется этап терроризма организованного типа в виде революционного терроризма в России 1860–1880-х гг. Причины его появления рассматривались и самими революционерами, и охранителями самодержавия [17; 30; 38]. Каждый смотрел на ситуацию со своей стороны, но в доводах тех и других были моменты истины. Позднее проблему причин революционного терроризма поднимали буржуазные историки начала XX в. [22; 27; 37; 39]. И, конечно же, причины революционного терроризма периода действия организации «Народная воля», освещены советскими историками [24; 32-36]. Можно сказать, что внешние факторы мотивации революционного терроризма в России исследованы в достаточной степени.

Однако по сей день остается недостаточно изученным вопрос о мотивах российских революционеров 1860–1880-х гг., которые побудили их сделать тактику терроризма символом революционного движения в последние годы правления Александра II. Если опустить часто упоминавшийся в советских исследованиях революционного народничества мотив мести, как внутреннее побуждение к насильственным действиям против власти и ее отдельных представителей, то все остальное, что исследовалось в этих работах, более относится к причинам терроризма, нежели к его мотивам. Мотивы терроризма, в том числе революционного, в отечественной литературе станут рассматриваться много позднее – в конце 1980-х гг. В труде философов В. В. Витюка и С. А. Эфирова, посвященном теме «левого» терроризма, его мотивы и названы впервые. Они не систематизированы: авторы просто перечисляют ряд обычных человеческих чувств или психологических отклонений (личные обиды, зависть, садизм, стремление самоутвердиться, солидарность, ущербность) «и многое другое» [23. С. 257], априорно относя их к мотивам «левого» терроризма.

В 1990-е гг. видный юрист Ю. М. Антонян в своей работе о терроризме предложил общую классификацию мотивов террористической деятельности. Сравнивая революционный терроризм в России 1860–1880-х гг. и начала XX в. со сталинскими репрессиями, он делает вывод, что революционный экстремизм второй половины XIX – начала XX вв., мало чем отличается от современного терроризма [21. С. 50, 83]. Среди революционеров-террористов он выделяет тех, кто решил пощекотать свои нервы – людей, которые тянутся к приключениям и опасностям [21. С. 75]. Такие качества, как жертвенность, готовность перенести любые беды, но продолжать бороться, свойственные другой группе революционеров, расцениваются Ю. М. Антоняном как мазохизм [21. С. 76]. Членов «Народной воли» он называет боевиками (в контексте 1990-х гг., когда происходили события в Чечне), не уважающими человеческую жизнь, людьми с суицидальными наклонностями [21. С. 77, 82, 83]. Автор уверен, что среди револю-

ционеров были психически больные и психически аномальные люди [21. С. 75]. Его исследование выполнено в публицистическом стиле, с большим уклоном в морализаторство, а иногда и на основе религиозной этики, что неуместно в научной работе. На такой базе Ю. М. Антонян выделяет следующие мотивы террористической деятельности: мотив самоутверждения, переплетающийся с желанием доминировать; мотив молодежной романтики и героизма; игровой мотив; мотив всепоглощающей и фанатичной идеи; мотив влечения к смерти и разрушению (некрофилия) (отдельно выделен мотив террористического самоубийства); мотив утрашения; мотив захвата власти; мотив мести; «идеалистический» мотив – мотив утверждения идей [21. С. 253–266]. Как видно, в данной классификации мотивы условны, четко не разграничены, и порой могут означать по смыслу одно и то же побуждение. Но в этом и заключается проблема: наименование мотива может быть одним, его понимание в научной среде – другим, а автор наименования будет вкладывать в него смысл, совершенно иной, чем предполагает читатель по названию. В этом общая проблема универсальных классификаций мотивов терроризма и попытки подвести под них абсолютно все виды терроризма.

Д. В. Ольшанский в своем исследовании выдвигает более четкую и понятную классификацию мотивов: меркантильные; идеологические; мотив преобразования; мотив своей власти над людьми; мотив интереса и привлекательности террора как сферы деятельности; «товарищеские» мотивы эмоциональной привязанности; мотив самореализации. Особняком (не в общем перечислении, а только после него) выделен мотив собственной гибели – некрофилия [31. С. 118–119]. Данная классификация, по нашему мнению, может быть принята с оговоркой, так как не все ее пункты применимы к отдельным видам терроризма. Кроме того, в очередной раз проявляются шаблон и универсализация – вне учета особенностей, специфики. Отсюда у некоторых мотивов, несмотря на одинаковое наименование, могут существенно меняться смысл и содержание.

К. Г. Горбунов во многом опирается на работы Ю. М. Антоняна и Д. В. Ольшанского, допуская при этом научную некорректность, когда использует целые куски текстов из работ названных авторов без соответствующих ссылок [25. С. 240, 247–249, 268]. В качестве ведущих К. Г. Горбунов выделяет мотив самоутверждения, основанный на явной неполноценности, ущербности личности; мотив власти; некрофилию; мотив жертвоприношения (поясняя его как мотив, побуждающий призывать удачу, вымаливать ее у Бога, провидения, или иной сверхъестественной силы, изображая террористов мракобесами, с низким уровнем интеллекта, что спорно); мотив самоубийства (ему отводится очень много места в этой главе) [25. С. 250–270]. В итоге автор заявляет: «в результате многочисленных исследований установлено, что именно ведущие мотивы носят неосознанный характер» [25. С. 279], не указывая при этом чьи исследования имеются в виду. Борьба же за справедливость и свободу – это не мотивы, а только лишь мотивировка. Каким образом автору удалось выявить неосознанные мотивы, если они не осознавались самими террористами, и на основе каких методик, также не поясняет ся.

Рассмотренные труды сближает, на наш взгляд, ряд обстоятельств: 1) их авторы – политологи, юристы, психологи, но не профессиональные историки; 2) все «мотивы» выделяются без сколь угодно серьезной опоры на исторические источники (практически фигурирует только книга Б. В. Савинкова «Воспоминания террориста»); 3) история терроризма представляется в этих работах как единый, неразрывный процесс, независимый от этнокультурных, социальных, политических факторов и исторических обстоятельств. Тем самым игнорируется принцип историзма, а потому, фактически, сближаются такие виды и формы терроризма как революционный, националистический, религиозный, идеологически заданный, организованный, индивидуальный и международный; на одну доску ставятся русские революционные народники и современные джихадисты. В подобном обобщении примитивизируется, а порой и вульгаризируется понимание сути отдельных видов терроризма. что серьезно затрудняет понимание явления терроризма, процесса его развития, а тем более – не способствует эффективности борьбы с ним. Вот почему необходимо выявление и изучение мотивов террористической деятельности российских революционеров в 1860–1880-х гг.: для более глубокого понимания их особенностей, а, следовательно – отделения их от универсальных классификаций мотивов или смыслов терроризма.

Задача данной статьи – в выявлении мотивов революционного терроризма в России в 1860–1880-е гг. и классификации их в сопоставлении с типологиями мотивов, приведенными в криминологических, психологических исследованиях юриста Ю. М. Антоняна и психологов К. Г. Горбунова, Д. В. Ольшанского. Опираясь на приведенные классификации, точнее, сравнивая с ними то, что реконструируется на основе данных различных письменных источников, попытаемся выяснить, какие

мотивы двигали именно российскими революционерами, применившими терроризм как тактику борьбы в 1860-е гг. и сделавшими ставку на него в 1870–1880-е гг.

Мотив молодежной романтики и героизма, игровой мотив как специфические для террористов мы не приемлем, поскольку молодежная романтика сопутствует в определенной мере самому революционному движению. Большинство революционеров, что шли на кровавый путь борьбы, говорили на судебных процессах, в своих прокламациях и воспоминаниях о том, что делали это вынужденно, с тяжелым сердцем, ни о какой романтике речи не шло [12. С. 48; 13. С. 78, 84]. Мотив героизма как пути обретения славы мы не учитываем ввиду того, что революционные организации были законспирированы, так что население в основном не знало имен революционеров, тем более совершавших теракты. Если рассматривать игровой мотив, то вряд ли те, кто шел на смерть, отнимал жизнь у другого человека, сталкиваясь, таким образом, с тяжелыми душевными переживаниями, психологическим стрессом, видели в своих действиях некую игру, тем более, что в игре главное не результат, а процесс, в данном случае – убийство и подготовка к нему. Но можно ли революционеров, вставших на путь индивидуального террора, считать людьми интеллектуально слабо развитыми, не способными ставить ясные цели, или же – психически больными.

Ни в одной из приведенных классификаций не был выделен мотив, относящийся к духовной, моральной составляющей: мотив восстановления справедливости. В революционное движение по большей части шла молодежь, а ей свойственны максимализм в рассуждениях, горячность, пылкость. Многие усваивали этические и моральные нормы на основе религии, изучая тексты Библии, в первую очередь – Евангелия [3. С. 193-194; 20. С. 97-105]. Всё это формировало обостренное чувство справедливости. У ряда революционеров, даже тех, кто впоследствии не обратился к терроризму, замешательство, а затем и побуждение к действию, направленному на исправление ситуации, вызывало несоответствие норм жизни нормам религиозных текстов. Недовольство и гнев вызывали ситуации, когда само государство или его деятели нарушали правила и законы, установленные самим государством. Так было в случае с Ф. Ф. Треповым, приказавшим выпороть политического заключенного, что к тому моменту законодательно было запрещено. Трепов не понес наказания – и это вызвало недовольство не только среди революционеров, но даже в официальной прессе. В Петербург направилось сразу несколько революционеров для восстановления справедливости, раз власти молчат. Цели достигла В. И. Засулич. Она так и заявила на судебном процессе: «Тогда, не видя никаких других средств к этому делу, я решилась, хотя ценою собственной гибели, доказать, что нельзя быть уверенным в безнаказанности, так ругаясь над человеческой личностью...» [12. С. 48]. В прокламации «Смерть за смерть», посвященной разьяснению убийства шефа жандармов Н. В. Мезенцова, ее автор и исполнитель теракта С. М. Степняк-Кравчинский тоже говорил о восстановлении справедливости, о том, что Мезенцов, совершивший кровавые злодеяния, получил сполна [14. С. 83-85]. Народник из южан, Д. Т. Буцынский, вспоминая об убийстве харьковского губернатора Д. Н. Кропоткина, писал, что харьковское студенчество испытывало приятное чувство из-за того, «что человек, нанесший такое оскорбление всему студенчеству убит» [2. С. 135]. А. Д. Михайлов в автобиографических заметках отмечал, что еще в юношеском возрасте ему оказалась присуща любовь к людям, «страстное желание видеть человечество гармоничным», и поэтому появилось такое желание жертвовать жизнью ради народа, ради людей [10. С. 40-41], – то есть допускалось достижение этой «гармоничности» ценой жизни, а иногда и другого человека, виновного в отсутствии этой «гармоничности».

Таким образом, молодые люди, стремившиеся к гармонии (в их понимании) и к социальной справедливости, усвоившие этические смыслы библейских заповедей и возведшие их до крайней степени, встречаясь с возмутительным нарушением существующих прав, со злоупотреблениями власти и безнаказанностью ее представителей, в конце концов решали восстановить социальную справедливость должно крайне радикальными мерами. Власти препятствовали не только пропагандистской работой, но и просвещенчеству в народе; кроме того, они бездействовали в случаях злоупотреблений своих же представителей либо их поощряли. На процессе о покушения на Трепова Засулич говорила, что «не нашла, не могла найти другого способа обратить внимание на это происшествие» [12. С. 48].

Тесно связан с этим мотив, упоминавшийся другими исследователями и лежавший на поверхности, – мотив мести. В прокламации «Земли и воли» посвященной, убийству Д. Н. Кропоткина, говорилось, что оставшееся безнаказанным злодейство (избиение харьковских студентов, жестокие меры по отношению к заключенным харьковской тюрьмы) побудило организацию и самого террориста поступить так, а не иначе. «Смерть за смерть, казнь за казнь, террор за террор» – провозглашает про-

кламация [11. С. 78]. Причиной убийств и покушений на государственных деятелей была месть за погибших товарищей, что отмечалось и в прокламациях, и в заявлениях революционеров на следствии или суде и т. д. [13. С. 247]. В тайных, революционных организациях связи между их членами были очень прочными, и гибель товарищей вызывала желание адекватного ответа властям.

Говоря о мотиве самоутверждения или самореализации, мы учитываем, что авторы универсальных классификаций вкладывают в них смысл простой компенсации личной ущербности, попытки обратить на себя внимание, утвердиться в собственных глазах или глазах окружающих за счет других людей. Мы же считаем, что по отношению к народническому движению это в корне не верно. Можно выделить мотив самореализации, но вкладываемый в него смысл изменить и понимать ее как желание реализовать свои устремления в области революционного дела, приближения революции, кардинальных преобразований. «Хождение в народ» закончилось серьезным провалом: рухнули надежды, мечтания, а порой и большие иллюзии большинства молодых людей. Они ждали скорого результата, не понимая, с чем им предстоит столкнуться. В ряде публицистических произведений звучало, что только они, молодые интеллигенты, разночинцы способны что-то сделать, на них лежит ответственность за народ [9. С. 132]. Влияло и обоснование возможности противостояния личности и государства в субъективной философии П. Л. Лаврова [7], властителя дум в 1870-х гг. После неудачи *хождения в народ* революционеры столкнулись с проблемой невозможности борьбы личности с государством, бесполезность, ненужность: идея о мощных возможностях личности, ее ответственности перед народом оказалась несостоятельна. Наступил кризис, сильно переживаемый в личностном плане. Сколько боли и отчаяния содержалось в письмах народников, и даже в воспоминаниях, написанных спустя многие годы после «хождения в народ» [1; 4. С.266-267; 5. С. 277; 18. С. 155; 19. С. 171]. Срочно пытаясь исправить ситуацию, вновь стать полезными, сильными, чтобы биться с государством, и теперь биться на смерть, ряд революционеров перешел на сторону терроризма: ведь террористический акт – действие субъективное, личностное. С. М. Степняк-Кравчинский позднее отмечал, что, по его мнению, если революционеру не хватало сил, то терроризм придавал ему их, не хватало смелости, терроризм наделил его таковой [15. С. 362]. Он отверг все личные притязания, отказался от всего и пошел на защиту народа, против целой машины, один против всемогущего императора в мире [15. С. 360-361], вновь придав идее борьбы личности с государством право на существование.

Отдельно скажем о мотиве разрушения. Вначале отметим спорность утверждения о связи этого мотива со стремлением к смерти. У подавляющего большинства революционеров суицидальных наклонностей не наблюдалось, что легко проверить по их биографиям, воспоминаниям, дневниковым записям и письмам. А если таковые имеются, то по материалам, свидетельствующим об их поведении в заключении. В отличие от других исследователей, Д. В. Ольшанский справедливо заметил, «что террористы редко стремятся к собственной гибели – в конце концов, для этого есть значительно более удобные и простые средства, чем организация и осуществление террористического акта. Большинству террористов так или иначе свойствен инстинкт самосохранения. Отдельные исключения из этого правила представляют собой патологические случаи» [31. С.120], которые он рассматривает при изучении «синдрома камикадзе» [31. 149-153]. Среди всех террористов 1860–1880-х гг. пытались покончить с собой или покончили жизнь самоубийством Д. В. Каракозов, А. К. Соловьев, Г. Д. Гольденберг, Н. А. Саблин, М. Ф. Грачевский. У них не было стремления убить себя до ареста или заключения. Причинами попытки самоубийства стали условия, в которых они находились в заключении, или угроза захвата полицией. Исключение составляет Д. В. Каракозов. Он сам и его товарищи на следствии рассказали о том, что мысль убить себя появилась у него до того, как он стал размышлять о возможности убийства царя [6. С. 27; 26. С. 35, 36]. Находясь в заключении, Каракозов пытался покончить с собой, прыгнув в канализационный люк [26. С. 49]. К этому моменту он уже явно был психически болен.

О том, что террористы той поры не стремились к собственной гибели, свидетельствует и тот факт, что все они старались скрыться с места преступления. Будь в них жажда собственной смерти, они бы не покидали место совершения теракта, а пытались погибнуть, оказывая сопротивление полиции. Поэтому о мотиве разрушения можно говорить как присущем всем революционерам, но не в смысле стремления к своей смерти, а как стремление разрушить, уничтожить существующий строй, изменить положение вещей для кардинального скачок в развитии страны. Русские народники заявляли об этом и в программных документах, и в прокламациях. Об этом заявляли все революционеры мира, здесь нет ничего нового.

Разумеется, что революционерами двигал и мотив захвата политической власти. Но не власти как таковой. «Народная воля» предполагала захват власти с последующей передачей ее народу, с последующим подчинением решению Учредительного собрания. Так или иначе, захват власти узкой группой заговорщиков предполагался. Для терроризма, как одной из тактик борьбы, использовавшейся народолюбцами, захват власти можно назвать мотивом. В какой-то мере пересекается с ним мотив вызова революции. Не все революционеры открыто заявляли о том, что терроризм предназначен для того, чтобы вызвать революцию, но как позднее отмечала В. Н. Фигнер – это желание было подсознательным [18. С. 281-283]. Нельзя отрицать вероятности того, что некоторые революционеры втайне рассчитывали, что крестьяне, после убийства императора, поднимут восстание. Однако лишь отдельные представители революционного движения открыто признавали в своих произведениях, что цель терроризма – это революция, или что терроризм – это и есть революция в настоящем [8; 16]. Ими были П. Н. Ткачев и Н. А. Морозов.

Таким образом, сопоставив универсальные классификации мотивов террористической деятельности с исторической реальностью, которая реконструируется на основе материалов исторических источников, можно сказать, что ни один из мотивов, приведенных исследователями Ю. М. Антоняном, К. Г. Горбуновым, Д. В. Ольшанским, мы не можем отнести к терроризму рассматриваемого исторического периода. Из предложенных ими классификаций историк может позаимствовать только наименования некоторых мотивов, существенно изменив их смысл.

Проведенное нами исследование позволило выделить следующие мотивы террористической деятельности для революционного движения в России 1860–1880-х гг.: мотив восстановления справедливости (как социальной, так и по отношению к отдельной личности); мотив мести; мотив самореализации; мотив разрушения; мотив захвата политической власти; мотив вызова революции.

Конечно же, не у каждого, вступившего на путь революционного терроризма все эти мотивы имелись в совокупности: одни из них могли быть выражены явно, другие – на подсознательном уровне. Но, как мы полагаем, именно они в определенных условиях и по определенным причинам, побуждали ряд народников избрать такой способ борьбы, как терроризм.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дейч Л. Г. Хождение в народ: Из воспоминаний. Пг., 1919.
2. Из записки Д. Т. Буцынского о революционном движении на Юге России во второй половине 70-х гг. // Революционное народничество 70-х годов XIX века. Т. 2. М.; Л., 1965. С. 125-136.
3. Из заявления И. Н. Мышкина товарищу обер-прокурора Сената В. А. Желиховскому // Революционное народничество 70-х годов XIX века. Т. 1. М., 1964. С. 181-196.
4. Из письма И. М. Овчинниковой М. Г. Селенкиной о неудаче пропагандистской деятельности среди крестьян // Революционное народничество 70-х годов XIX века. Т. 1. М., 1964. С. 266-267.
5. Из письма С. Л. Аронсона С. С. Голоушеву // Революционное народничество 70-х годов XIX века. Т. 1. М., 1964. С. 277.
6. Из показаний Д. В. Каракозова следственной комиссии по делу о покушении на Александра II 4 апреля 1866 г. // Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX – начало XX в.). М., 2001. С. 27-28.
7. Лавров П. Л. Исторические письма // Лавров П. Л. Философия и социология. Избранные произведения: в 2 т. М., 1965. Т. 2. С. 5-297.
8. Морозов Н. А. Террористическая борьба // Да здравствует «Народная воля»! Исторический сборник. 1907. № 1. С. 17-29.
9. О чем и как должен говорить с народом революционер-пропагандист // Революционное народничество 70-х годов XIX века. Т. 1. М., 1964. С. 132-133.
10. Прибылева-Корба А. П., Фигнер В. Н. Александр Дмитриевич Михайлов. Л.; М., 1925.
11. Прокламация «Земли и воли» «Казнь Кропоткина» // Революционное народничество 70-х годов XIX века. Т. 2. М.; Л., 1965. С. 77-78.
12. Процесс Веры Засулич (Суд и после суда). СПб., 1906.
13. Речь С. Ширяева // Архив «Земли и воли» и «Народной воли»/общ. ред. М.Б. Каплан, П.Е. Щеголев. М., 1932. С. 240-248.
14. Смерть за смерть // История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. Ростов н/Д., 1996. С. 77-89.
15. Степняк-Кравчинский С. М. Сочинения: в 2 т. Т. 1. Россия под властью царей. Подпольная Россия. М., 1987.

16. *Ткачев П. Н.* Терроризм как единственное средство нравственного и общественного возрождения России // История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях / авт.-сост. О. В. Будницкий. Ростов н/Д., 1996. С. 143-155.
17. *Тихомиров Л.* Начала и концы: «Либералы» и террористы. М., 1890.
18. *Фигнер В. Н.* Запечатленный труд. Воспоминания в двух томах. Т. 1. М., 1964.
19. *Фигнер В. Н.* «Земля и воля» (отрывок). 1913–1914. // Кан Г.С. «Народная воля»: идеология и лидеры. М., 1997. С. 162-172.
20. *Фигнер В. Н.* Полное собрание сочинений: В 6 т. Т. 5: Очерки, статьи, речи. М., 1929.
21. *Антоян Ю. М.* Терроризм. Криминологическое и уголовно-правовое исследование. М., 1998.
22. *Богучарский В. Я.* Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х гг. XIX века. Партия «Народной Воли», ее происхождение, судьбы и гибель. М., 1912.
23. *Витюк В. В., Эфиров С. А.* «Левый» терроризм на Западе: история и современность. М., 1987.
24. *Волк С. С.* Народная воля. 1879–1882. М., 1966.
25. *Горбунов К. Г.* Терроризм: социально-психологическое исследование. Омск, 2010.
26. *Клевенский М. М.* Иштутинский кружок и покушение Каракозова. М., 1927.
27. *Корнилов А. А.* Общественное движение при Александре II. М., 1909.
28. *Немов Р. С.* Психология: Словарь-справочник: в 2 ч. М., 2003. Ч. 1.
29. *Немов Р. С.* Психология: учеб. для студ. высш. пед. учеб. заведений: в 3 кн. Кн. 1. Общие основы психологии. М., 2003.
30. Обзор социально-революционного движения в России. СПб., 1880.
31. *Ольшанский Д. В.* Психология терроризма. СПб, 2002.
32. Россия в революционной ситуации на рубеже 1870-1880-х годов: коллектив. моногр. М., 1983.
33. *Седов М. Г.* Героический период революционного народничества (Из истории политической борьбы). М., 1966.
34. *Троицкий Н. А.* Безумство храбрых: Русские революционеры и карательная политика царизма 1866–1882 гг. М., 1978.
35. *Троицкий Н. А.* «Народная воля» перед царским судом (1880–1894). Саратов, 1983.
36. *Троицкий Н. А.* Царские суды против революционной России (Политические процессы 1871–1880 гг.). Саратов, 1976.
37. *Тун А.* История революционного движения в России. [б.м.], 1904.
38. Хроника социалистического движения в России. 1878-1887. Официальный отчет. М., 1906.
39. *Циллиакус К.* Революционная Россия. Возникновение и развитие революционного движения в России. СПб., 1906.

Поступила в редакцию 22.05.15

D.A. Morozov

MOTIVES OF REVOLUTIONARY TERRORISM IN 1860–1880 IN RUSSIA

On the basis of data contained in various historical sources, the motives of revolutionary terrorism in Russia in 1860–1880 are revealed. The author compares the revealed motives with the universal classifications presented in works of lawyer Yu. M. Antonyan, psychologists K. G. Gorbunov and D. V. Olshansky. He reveals the fallacy of extrapolation of features, reasons, purposes, motives of revolutionary terrorism in Russia in 1860–1880 on modern types and forms of terrorism, which is allowed by Yu. M. Antonyan, K. G. Gorbunov, D. V. Olshansky. The author proposes a different classification of the motives of revolutionary terrorism during the period under review.

Keywords: revolutionary terrorism, motives of revolutionary terrorism, populism, “Narodnaya volya”, “Zemlya i volya”.

Морозов Денис Александрович, аспирант
кафедры истории России
Института истории и социологии

ФБГОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, Университетская, 1 (корп. 2)
E-mail: dr.oprichnik@gmail.com

Morozov D.A., postgraduate student
at the Department of history of Russia
Institute of History and Social Sciences

Udmurt State University
Universitetskaya st., 1/2, Izhevsk, Russia, 426034
E-mail: dr.oprichnik@gmail.com

